

Роман Пересветов

Тайны выцветших строк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р69

Р69 **Роман Пересветов**
Тайны выцветших строк / Роман Пересветов – М.: Книга по Требованию,
2013. – 290 с.

ISBN 978-5-458-32830-2

ISBN 978-5-458-32830-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«сохранения ради». Или псалтырь попала в разряд «горелых» позднее? Ведь деревянная Москва на протяжении своей истории не раз сгорала дотла. Многие грамоты закапаны воском — они писались при свете свечных огарков в те времена, когда еще не знали другого освещения и пожар Москвы иногда начинался от упавшей церковной свечи...

Рукописи, уцелевшие после войн и пожаров, часто потом погибали от архивной сырости или их пожирало зловердное насекомое, именуемое тлей.

Лишь немногим древнейшим документам удалось устоять против всех этих напастей, и все же, по подсчетам палеографов, до нашего времени дошло около ста древнерусских грамот и свыше пятисот рукописных книг XI — XIV веков. Количество же более поздних документов определяется сотнями тысяч...

Переходя от стеллажа к стеллажу, я читаю только надписи на табличках, а память едва успевает подсказывать имена, события, даты.

— Скажите, что находится в этом золотом ларчике? — спрашиваю я у начальника архива Вениамина Николаевича Шумилова, достающего из сейфа круглый золотой сундучок.

— Не в золотом ларчике, а в позолоченном серебряном «ковчеге», — деловито поправляет привыкший к точным формулировкам архивист.

Оказывается, в сундучке покоится подлинник знаменитого «Уложения» 1649 года — основного свода законов, действовавших в те времена на Руси. Прежде чем попасть в архив, «Столбец Уложенный» причинил немалое беспокойство своим хранителям. Они чуть было его не потеряли. Случилось это так.

Екатерина II, задумав разработать новые законы, захотела взглянуть на подлинник старого Уложения и приказала тогдашнему генерал-прокурору князю Вяземскому доставить его во дворец.

Озадаченный неожиданным поручением, генерал-прокурор принялся искать подлинник в архиве правительствующего сената. Оттуда поспешили донести, что там его нет и никогда не было. Не нашлось никаких следов подлинника и в патриаршей типографии, где Уложение было впервые отпечатано. Тут Вяземского осенила другая догадка: Уложение должно быть спрятано под престолом Успенского собора в Кремле. Он слышал, что когда-то там был тайник для важнейших государственных документов. По распоряжению князя в соборе разобрали пол, но

под ним не оказалось ничего, кроме пыли. И вот, наконец, после длительных поисков генерал-прокурору донесли, что в древней Казенной палате, находившейся близ Благовещенского собора, найден железный сундук, где хранится подлинное «государя царя Алексея Михайловича Уложение, токмо того сундука за неотысканием ключа не отперто».

Лишь на следующий день был изготовлен новый ключ (мне любезно показал его Шумилов), и после этого из сундука вынули суконный красный мешок, в котором оказался подлинник Уложения и один печатный экземпляр его первого издания.

Екатерина вызвала из Коллегии иностранных дел ученого архивариуса профессора Миллера и приказала ему подробно исследовать и описать подлинник.

Аккуратный немец в точности выполнил задание. Он установил вес свитка — двенадцать фунтов и длину его — пятьсот тридцать четыре аршина, подсчитал, что подлинник написан четырьмястами разными почерками и подписан тремястами пятнадцатью лицами, в том числе патриархом московским Иосифом и двенадцатью представителями высшего духовенства, пятнадцатью боярами, десятью окольничими. За ними расписывались дворяне, гости-купцы, выборные из московских сотен, слобод и стрелецких приказов. Из посадских людей подписывать Уложение были допущены только самые зажиточные. Крестьян к подписи не допустили.

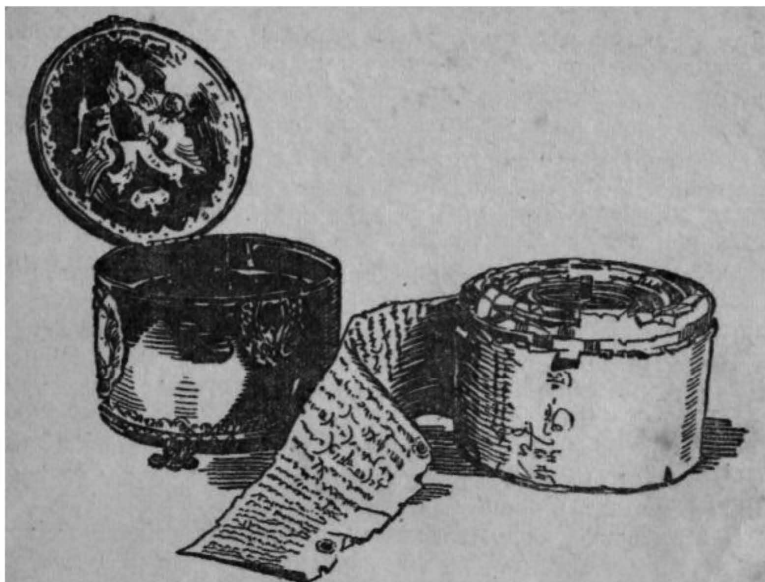
— Хотите посмотреть на подлинник? Он прекрасно сохранился, — предлагает мне Шумилов, открывая крышку ковчега.

Вот он, знаменитый «Столбец Уложенный»! В нем девяносто шестьдесят склеек, но ни один лист не оторвался! Каждая склейка на лицевой и оборотной стороне скреплена подписями трех думных и двух других дьяков.

По повелению Екатерины II для Уложения был сделан позолоченный ковчег, который и стал для него своего рода усыпальницей.

Сто двенадцать лет пролежал он в железном сундуке, завернутый в красный суконный мешок, затем около двухсот лет в позолоченном серебряном ковчеге и дошел до наших дней с чуть примятыми краями, но в полной целостности и сохранности. Ему могли бы позавидовать многие памятники старины, на поиски и восстановление которых архивистам и историкам-источниковедам пришлось затратить немало усилий.

Да... Как и у людей, у документов бывают разные судьбы, и часто очень изменчивые. Как интересно проследить их злоклю-

В этом позолоченном «ковчеге» Уложение пролежало около двухсот лет.

чения в веках! После долгих настойчивых усилий обнаружить, наконец, текст какой-нибудь утраченной рукописи, пусть даже поврежденный, с выцветшими буквами, местами истлевший. Восстановить полностью содержание документа, объяснить все пропуски и пробелы! Как это должно быть трудно и в то же время увлекательно! Какая радость ждет исследователя в случае успеха, когда удастся осветить неясную страницу истории, дать точное толкование недостаточно изученных явлений и событий!

Терпение и настойчивость — вот главные доблести археографо-источниковеда.

Ведь поиски приходится продолжать, даже если ясно, что разыскиваемая тобой рукопись сгорела несколько сот лет назад! Сумел же известный палеограф профессор Приселков восстановить один из важнейших памятников русской письменности, знаменитую Троицкую летопись, сгоревшую во время пожара Москвы в 1812 году! Ученый пользовался многочисленными выписками, которые успел из нее сделать до пожара историк

Карамзин, и выдержками, обнаруженными в текстах других летописей.

А какие интересные находки были сделаны одним из первых русских археографов П. М. Строевым! Обследуя древние монастыри, он извлек так много ценных рукописей, что для их изучения и издания пришлось организовать специальное учреждение — Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения.

Мой собеседник, опытный архивист В. Н. Шумилов, разбирая дворцовый архив, нашел те самые записи Екатерины II, которые изучал Пушкин, трудясь над историей пугачевского восстания. После смерти поэта они считались бесследно пропавшими, и Академия наук особым решением подчеркнула необходимость их розыска.

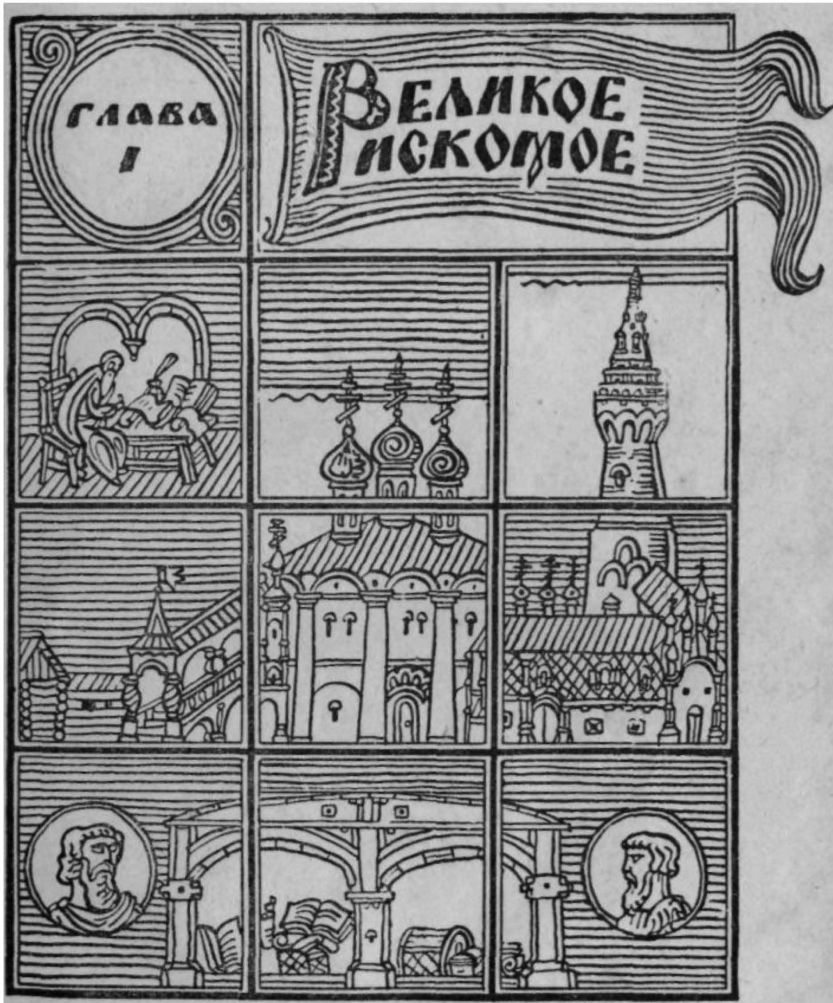
Да, среди разведчиков архивных недр есть свои герои! И разве не достойны они того, чтобы о них рассказали, чтобы их труд, их находки стали широко известны?

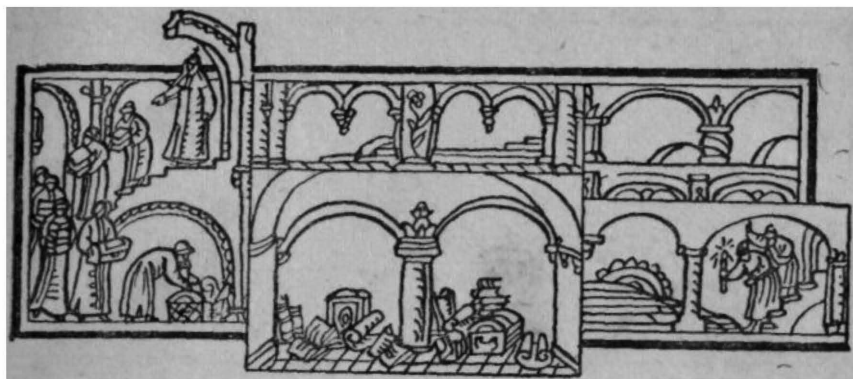
...Я становлюсь частым гостем архива, знакомлюсь с трудами историков-источниковедов, изучаю каталоги и путеводители, с помощью сотрудников архива отбираю документы, история которых особенно интересна.

Как трудно, оказывается, проследить их путь. Они нередко меняли свои имена. В описях разных архивов одна и та же рукопись может значиться под разными названиями.

— Если вы хотите узнать увлекательную историю некоторых редких рукописей и книг, — сказал мне однажды В. Н. Шумилов, — вам не мешало бы также проследить и судьбы древлехранилищ, в которых, может быть, они раньше находились. Уверяю вас, такой труд не будет напрасным. Ведь архивы тоже переходили из рук в руки, разделялись, а иногда и совсем исчезали в огне войн и пожаров.

Нужно ли было следовать этому доброму совету, пусть судит читатель по содержанию следующих глав.

ОХОТНИК ЗА РУКОПИСЯМИ

Профессор правоведения Дерптского¹ университета Вальтер Фридрих Клоссиус в 1827 году добился разрешения Николая I изучать в Московской патриаршей библиотеке древние рукописи. По ходатайству своего соотечественника, близкого ко двору «доктора медицины и хирургии» Лодера, немецкий ученый получил также доступ и в библиотеку Московского главного архива министерства иностранных дел. Но собрание хранившихся там древних рукописей было опечатано ревниво охранявшим его директором архива Алексеем Федоровичем Малиновским, и дерптскому профессору обозреть их не удалось.

22 сентября 1828 года Клоссиус уведомил А. Ф. Малиновского, что он намерен опубликовать результаты своей поездки в Россию в особом сочинении и в предисловии к нему познакомить читателей с историей русских книгохранилищ и, в частности, с обнаруженными им в этих книгохранилищах древними руко-

¹ Д е р п т — название эстонского города Тарту, данное ему немецкими завоевателями. В древности на его месте был русский город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым. Эстония входила в состав царской России.

Вид города Дерпта в XVI веке.

письями. Поэтому немецкий ученый просил Малиновского прислать ему дополнительно сведения о греческих и латинских манускриптах, хранящихся в Московском главном архиве министерства иностранных дел за печатями, то есть именно о тех рукописях, которые он, Клоссиус, во время своего пребывания в Москве просмотреть не смог.

Из письма дерптского профессора можно было видеть, что он, напав на след хранившихся в русских библиотеках старинных латинских и греческих рукописей, проявил к ним повышенный интерес и через год после своего возвращения в Дерпт. Но это было вызвано совсем особой причиной, о которой нет ни слова в письме.

Клоссиус был не только юристом. Кроме звания доктора гражданского и уголовного права, ему была присвоена Тюбингенским университетом еще и ученая степень доктора философии.

Всего два года прослужил он в этом университете в качестве приват-доцента и помощника библиотекаря. Затем он предпринял с научной целью путешествие по Германии, Голландии, Франции и Италии и не без успеха рылся в архивах и книгохранилищах этих стран. В миланской Амброзианской библиотеке он нашел новые, никому до того не известные отрывки из законодательного кодекса Феодосия, внука последнего императора единой Римской империи. Это была первая скромная

заслуга молодого ученого перед отечественной и мировой наукой.

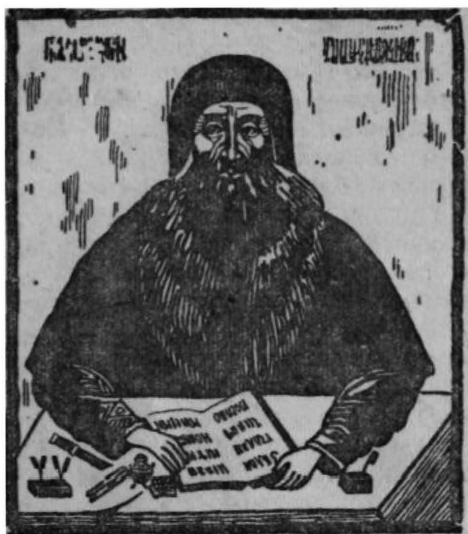
Приняв приглашение Дерптского университета прочесть курс уголовного права, Клоссиус решил продолжать в России розыски древних рукописей, начатые им в других странах. Получив «соизволение» Николая I и даже необходимые для этой работы денежные средства, предприимчивый немец в течение четырех лет обследовал петербургские и московские книгохранилища, заглянул в подмосковные монастыри и совершил поездки в древние города Новгород, Псков и Киев, где, по его расчетам, должны были храниться богатые рукописные собрания.

Рыскивая сведения о старых латинских и греческих рукописях юридического характера и изучая для этого в архивах старые описи, немецкий правовед сделал поразившее его открытие: он обнаружил, что в некоторых описях упоминаются неизвестные сочинения древних авторов, представляющие огромную культурную ценность. Однако это ободряющее открытие омрачилось другим: все сочинения числились только в старых описях, в новых реестрах их уже не было, да и сами они куда-то бесследно исчезли. В поисках объяснения этому, Клоссиус натолкнулся на заслуживающий внимания факт.

В известном «Сказании о Максиме философе, иже бысть инок Святые горы Афонские» прямо указывалось, что в Москве еще в XVI веке существовало книгохранилище с редчайшими рукописями, вызывавшими изумление и зависть у всех, кому посчастливилось с ними познакомиться. Это была библиотека отца Ивана Грозного, великого князя московского Василия III, якобы доставшаяся в наследство от его родителя, то есть от великого князя Ивана III, женатого на племяннице последнего византийского императора — Софии Палеолог. Предвидя падение Византии, ее отец будто бы успел увезти наиболее ценные книги из императорской библиотеки, которую могли разграбить турки.

В сказании повествуется о том, как великий князь Василий Иванович, озабоченный составлением каталога полученных им в наследство книжных сокровищ, отправил письмо константинопольскому патриарху с просьбой прислать в Москву знакомого с иностранными языками ученого мужа для выполнения этого труда.

Выбор патриарха пал на сына албанского воеводы Максима Грека, получившего образование в Париже и во Флоренции и

Искусный и «хитрословесный» философ Максим Грек ни в Грецах толикое множество книг сподобихся видеть». Максим Грек пожаловался Василию III на оскудение греческих библиотек после захвата Византии турками и высказал свое восхищение его заботами о книжных сокровищах.

Ученый муж ревностно взялся за порученный ему великим князем труд: он стал сличать тексты греческих книг с их переводами на церковнославянский язык, обнаружил в этих переводах много неточностей и принялся их исправлять; этим он навлек на себя неприязнь московского митрополита Иосафа, оговорившего его перед царем Василием III, и подвергся преследованиям.

Описывая мытарства многострадального просветителя, автор сказания больше не возвращался к вопросу о библиотеке Василия III и не сообщал никаких сведений о том, составил ли Максим Грек ее каталог и какие именно книги произвели на него такое сильное впечатление.

Что же стало с царской библиотекой?

На этот вопрос Клоссиус нашел ответ в другой древней рукописи — «Ливонской хронике», которую составил в XVI столетии бывший рижский бургомистр Франц Ниенштедт.